

МЕТОДОЛОГИЯ

*А.Н. ЩЕРБАК***Как происходит изначальный выбор институтов?
Критика концепции “случайности развития”
и структурный подход***

Статья посвящена критике одного из ключевых положений неоинституциональной теории — “случайности” изначального институционального выбора. Наиболее последовательно эта идея воплощена в книге Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Д. Робинсона “Почему одни страны богатые, а другие бедные”. Согласно этому подходу, выбор институтов происходит под воздействием случайных исторических обстоятельств. Данное положение подвергается критике, ибо оно игнорирует микрооснования институционального выбора в европейских обществах. Основываясь на большом массиве исторических данных по демографии, экологии, экономике, демонстрируется, как могут быть связаны структурные условия и модернизация с последующим выбором инклюзивных институтов в Северо-Западной Европе. Обращение к “модельному” сравнению Англии и Испании в раннее Новое время показывает, что к моменту институционального выбора Англия была намного более развита, чем Испания. В связи с этим некорректно говорить о случайности институционального выбора в Англии. Главный вывод статьи заключается в том, что институты — это не причина, а следствие развития.

Ключевые слова: институциональный выбор, европейская модернизация, демография, география, Великобритания, Испания, Новое время.

Уже более 200 лет исследователи пытаются найти причины успеха европейской модернизации. Один из наиболее популярных и убедительных ответов дает неоинституциональная теория, которая подчеркивает исключительную важность институтов как устоявшихся правил человеческого поведения: установление “правильных” институтов (“формальных”, “инклюзивных”) поощряет кооперативное, нацеленное на развитие, на созидание поведение как индивидов, так и сообществ. Ключевое положение институциональной теории — “эффект колеи” (*path-dependence*), согласно которому существует инерция в функционировании институтов: будучи один раз установленными, они и их эффекты почти не изменяемы. Согласно этой логике, у развитых стран, однажды

*Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5–100”.

Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ), доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Адрес: ул. Седова 55, к. 2, Санкт-Петербург, 192171. Email: ascherbak@hse.ru

принявших “правильные” институты, развитие пошло по наилучшему сценарию, в то же время в других странах с “неправильными” институтами до сих пор не устранены препятствия развитию. В рамках данной теории возникает фундаментальный вопрос: как объяснить причины “правильного” институционального выбора? Как, когда и почему одни общества выбирают “правильные” институты, а другие — “неправильные”?

В обширной литературе можно найти разные объяснения причин и времени судьбоносного выбора. Одни указывают на сочетание и последовательность разных факторов (например, выстраивая цепочку событий от наследия Римского права, магдебургского городского права, принятия феодализма, расцвета средиземноморской торговли и Славной революции [Хедлунд 2015]); кто-то выбирает один фактор (скажем, феодальную систему [Blaydes, Chaney 2013]). Иные авторы подчеркивают важность становления городов-государств, развитие коммерческого права, признание прав частной собственности, становление науки [Лал 2007, с. 92–93]. В ряду таких объяснений особую роль занимает концепция Д. Аджемоглу¹ и Д. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон 2015]. Авторы разделяют институты на *экстрактивные* и *инклюзивные*. Под экстрактивными они понимают те, которые направлены на то, чтобы “выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части”. Инклюзивные — такие институты, которые “разрешают и... стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки... Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии...” [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 89, 87].

Аджемоглу и Робинсон объясняют выбор общества в пользу инклюзивных институтов наличием политической конкуренции, своеобразным исходом борьбы различных элитных группировок, медленными институциональными изменениями (*institutional drift*) и исторической случайностью. Они часто подчеркивают, что изначальный выбор институтов нельзя объяснить иначе, как счастливой исторической случайностью. Модельный пример объяснения выбора в пользу инклюзивных институтов — Англия XVI–XVII вв., а модельный пример институциональной дивергенции — сравнение Англии и Испании в середине XVII в. Общим местом является утверждение, что страны, находящиеся примерно на одинаковом уровне развития, делают случайный институциональный выбор: в пользу укрепления власти парламента и ограничения монархии в Англии и в пользу возвышения абсолютизма и ограничения влияния кортесов в Испании [North 1989].

Возникает парадокс: согласно данной логике, европейская модернизация становится исторической случайностью, удачным сочетанием непредсказуемых исторических обстоятельств. В более детальном приближении модернизация оказывается непреднамеренным исходом внутрианглийских политических “разборок” XVII в.

Мне кажется, что эти объяснения крайне уязвимы, как минимум, по двум причинам². Во-первых, данный подход объясняет институциональный выбор интересами элит, все иные слои общества игнорируются. Принятие новых институтов объясняется через победу тех или иных “общественных групп” в социально-политических конфликтах, при этом некоторые элитные группировки даже могут быть “аутсайдерами” для правящего класса³. Доводя такое объяснение до логического конца, можно ска-

¹ Традиционно принятая в мировой практике транскрипция фамилии этого американского ученого турецкого происхождения Асемоглу. Так же она обычно приводится в русских научных работах. Однако в настоящей статье я использую лишь русский перевод книги данных авторов, где фамилия турецкого ученого дана именно в турецкой транскрипции.

² Другую критику их подхода см. [Арсланов 2016^a; Арсланов 2016^b].

³ Н. Плискевич отмечает полемику по поводу соотношения роли элит и масс Аджемоглу и Робинсона с авторами другой популярной теории построения прогрессивных институтов Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста [Плискевич 2013].

зять, что исход модернизации зависит от того или иного стовора элит. Во-вторых, следуя данной логике, мы, по сути, отказываемся подробно изучать более широкий контекст, в котором могла происходить судьбоносная для всего мира политическая борьба: получается, что историческим ядром модернизации могла бы стать не Западная Европа, а Западная Азия или Западная Африка, если бы внутриэлитный конфликт в соответствующих обществах привел к выбору инклюзивных институтов. Я считаю, что модернизация — это *синдром* [Инглхарт, Вельцель 2011], которым охвачено все общество. Под понятием “синдром” понимается наличие тесной взаимосвязи между всеми измерениями модернизации. Такое понимание модернизации противоречит тезису о случайности “правильного” институционального выбора. Европейская модернизация⁴ не случайна; то, что выглядит как случайный выбор, на самом деле имеет свои причины. Я считаю, что наше общее понимание причин данного выбора будет более полным, если добавить к нему структурные объяснения. Под последними понимаются в первую очередь особенности географии и вызванные ими демографические, социальные и экономические последствия. На мой взгляд, несомненное достоинство предлагаемого объяснения — то, что структурные факторы охватывают *все общество*, а не только узкие элитные группы.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части я критикую ряд положений неинституциональной теории. Вторая часть представляет предлагаемый мной структурный подход для объяснения причин выбора “правильных” институтов в Северо-Западной Европе в раннее Новое время. В третьей части для иллюстрации своего тезиса я сравниваю уровень развития Англии и Испании в раннее Новое время, используя разнообразные исторические оценки по ряду ключевых показателей, демонстрирую, что к этому периоду Англия опережала Испанию практически по всем показателям развития, и это дает основание считать, что институциональный выбор был совершенно не случаен. В заключении мной предлагаются некоторые дополнения к неинституциональной теории.

Обзор институциональной теории и ее критика

Ответ Аджемоглу и Робинсона на вопрос, почему одни страны бедные, а другие богатые, довольно прост. Бедные страны в свое время выбрали экстрактивные институты, а богатые — инклюзивные. Со временем экстрактивные институты создавали “порочный круг”, а инклюзивные — “круг добродетели”, поэтому первые страны богатели, а остальные — беднели. Экстрактивные институты гарантируют элитам их экономический и политический статус в ущерб экономическому развитию всего общества.

Несомненное достоинство такого подхода в том, что он показывает, как происходит зависимость от пути развития. Важный элемент тут — первоначальный институциональный выбор; поэтому логично, что моменту этого выбора (равно как и поиску его причин) уделяется много внимания. При всех отличиях в своих подходах авторы институциональных теорий соглашаются, что выбор этот был сделан давно — как минимум, несколько сотен лет назад. Консенсус обнаруживается также в том, что экстрактивные институты являются нормой, в то время как переход к инклюзивным институтам оказывается чем-то исторически уникальным. Склонность к созданию инклюзивных институтов — отличительная черта исторического Запада, а в еще более узком смысле — Великобритании.

Причины перехода Англии к инклюзивным институтам отыскиваются не ранее позднего Средневековья. Обычно указываются такие события, как “Черная смерть” (XIV в.), война Алой и Белой розы (XV в.), гражданская война (XVII в.), Славная революция (XVII в.). Постепенный переход к парламентскому правлению (XVIII в.)

⁴ Далее я буду использовать понятия “выбор в пользу инклюзивных институтов”, “развитие”, “модернизация” как взаимозаменяемые.

и начало Промышленной революции (XIX в.) представляются логичным следствием запущенного ранее процесса. Зарождение политического плюрализма, уважение к праву, независимость судов, постоянное ограничение королевской власти начиная с XVII в., рост влияния торгового класса, укрепление городов, развитие мануфактур — все это стало предпосылками эпохального прорыва к промышленному капитализму и парламентской демократии. Если Великобритания — своего рода “идеальный тип” развития инклюзивных институтов, то другие европейские/западные страны ее копируют либо более (США), либо менее удачно (Франция, Германия).

Модельным примером становится сравнение развития институтов Англии и Испании. Считается, что обе страны, находившиеся в середине XVII в. примерно на одном уровне развития, выбрали разные институты. Испания сделала ставку на абсолютизм в ущерб влиянию кортесов и городских общин, а Англия пошла по пути ограничения королевской власти и расширения влияния парламента. В результате менее чем через столетие Испания перестала быть мировой “сверхдержавой”, а еще через век оказалась отсталой европейской страной. Великобритания же, напротив, стала лидером модернизации и прогресса, родиной промышленного капитализма и парламентской демократии.

Возникает логичный вопрос: если изначальный институциональный выбор настолько важен, то когда и почему происходит выбор институтов? Единственное, что с уверенностью можно сказать: консенсуса по данному вопросу в литературе нет.

Авторы сходятся в том, что выбор институтов произошел довольно давно, еще до начала промышленной революции в Англии. Временной горизонт этих событий просматривается не ранее XVI—XVII вв. Наиболее ранняя дата — VIII в. (возникновение феодализма в Европе [Blaydes, Chaney 2013]), наиболее поздняя — XVII в. (Славная революция в Англии). Более важным представляется вопрос, какие факторы смогли запустить цепочку событий, которая в итоге привела к выбору в пользу инклюзивных институтов?

Здесь часто мы видим фактический уход от ответа на этот, на мой взгляд, ключевой вопрос. Альтернативой поиску и анализу причин выбора институтов предлагается концепция случайности, отсутствия у изначального выбора институтов рациональных причин. Аджемоглу и Робинсон несколько раз прямо говорят об этом. Вот один из примеров: “Тот факт, что в Славной революции 1688 г. одержали победу общественные группы, выступавшие за ограничение королевской власти и больший плюрализм политических институтов, не только не был предопределен — он просто стал результатом удачного стечения обстоятельств” [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 127]. Развитие обществ определяется разрешением многих конфликтов, чей исход зависит “от исторических обстоятельств, личной роли отдельных людей и просто случайности” [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 126]. Случайность и непредсказуемость постоянно подчеркиваются.

Пытаясь все же как-то объяснить случайность в истории, Аджемоглу и Робинсон создают теоретическую модель, которая призвана упорядочить проявление случайных “положительных” и “отрицательных” исходов. Эта модель предполагает примерно равные, но слегка различные стартовые условия для всех обществ. Проходя через “точки перелома” (ключевые исторические события), общества начинают немного расходиться в развитии: так проявляется “институциональный дрейф”. Постепенно “мутации” накапливаются, и в каждой новой “точке перелома” дивергенция усиливается [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 126]. На мой взгляд, это самое слабое место в рассматриваемой теории. Против концепции случайности можно выдвинуть, как минимум, три серьезных возражения.

Во-первых, как уже было отмечено, я склонен считать, что модернизация — это синдром. Такая идея встречается, например, у Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель 2011]. Идея “синдрома” предполагает, что все элементы того многогранного, масштабного исторического явления, которое принято называть модернизацией, тесно взаимосвязаны. Если взять все доступные показатели развития, то связь

(корреляция) между ними окажется крайне сильна. Например, современная богатая страна — страна одновременно и образованная, и урбанизированная, и демократичная, а население в ней будет жить долго при инклюзивных институтах. Эта связь легко проверяется эмпирически; возможно, не все, но большинство показателей развития коррелируют между собой.

Во-вторых, существует довольно мало оснований считать, что иные общества были готовы к полномасштабной модернизации до Европы; разве что Китай мог стать таким исключением. Исторические свидетельства не позволяют утверждать, что какие-либо общества, кроме западноевропейских, к середине XV в. были способны совершить прорыв.

В-третьих, концепция “случайности” слишком много внимания уделяет элитам. Иными словами, выбор инклюзивных институтов и переход европейской модернизации в фазу индустриализации объясняется случайным исходом внутрианглийских политических разборок XVII в. Концентрация внимания на элитах не позволяет пристально взглянуть на уровень структур и увидеть *микрооснования* модернизации, то есть причины, которые бы охватывали *все* общество.

Критика концепции случайности приводит к простой мысли: выбор в пользу инклюзивных институтов *не случаен*. Во многом он носит закономерный характер, для объяснения этого выбора я предлагаю подход, который называю *структурным*. Он во многом созвучен работам экономиста А. Гэлора [Ashraf, Galor 2011; Galor 2011] и социолога К. Вельцеля [Welzel 2013; Welzel 2014]. Первый автор делает упор на роль демографических изменений в преддверии экономического роста, второй подчеркивает значение определенных географических факторов в объяснении европейской модернизации.

Объясняя развитие: структурный подход

Представляя предлагаемый структурный подход, я буду следовать следующей логике. Базовой предпосылкой является предположение о том, что у любого важного исторического процесса, в том числе модернизации и выбора в пользу инклюзивных институтов, есть свои экологические и демографические причины. Ядро концепции — *демография*, поэтому прежде всего я представлю демографические показатели и их интерпретации, далее сконцентрируюсь на эффектах демографических изменений, которые можно вписать в процесс модернизации европейских обществ. Наконец, я попытаюсь порассуждать о географических и экологических причинах демографических сдвигов в странах Западной Европы и свести все данные особенности в одну логичную модель.

Демография⁵. Прежде всего важен такой показатель, как *рождаемость* (*fertility*), отражающий среднее количество рожденных живыми детей для женщин детородного возраста. Досовременные общества характеризовались высокими показателями рождаемости; по оценке за 1800 г., в Европе этот показатель варьировался от 4,04 в Дании до 6,03 в Греции. Однако этот показатель неотделим от показателя *детской смертности*, фиксирующего количество умерших в возрасте до 5 лет на 1000 детей. В досовременных обществах он был чрезвычайно высок. По оценке за 1800 г., в Европе этот показатель варьировался от 322 в Бельгии до 458 в Литве. При таком уровне детской смертности (а к 15 годам она была еще выше) досовременные общества для своего воспроизводства должны были всячески стремиться поддерживать высокую рождаемость.

⁵ В работе рассматриваются стандартные и демографические показатели: рождаемость, детская смертность, доля городского населения, плотность населения; кроме того, я добавляю доход как контрольный показатель. Я использую исторические оценки многих показателей. В последние годы исследователи проделали большую работу по реконструкции *оценок* многих показателей. Как пишет Я. Моррис [Morris 2013], вопрос не в том, насколько эти оценки близки к истинным параметрам, а в том, насколько они от них далеки. Имеющийся на данный момент задел позволяет утверждать, что таковые оценки не слишком далеки от истинных значений.

Если учитывать другие факторы смертности — войны, эпидемии, голод, — то высокая рождаемость была фактически средством воспроизводства (но не роста) населения.

Плотность населения — показатель, который отражает густонаселенность страны. Многие экономисты [Ashraf, Galor 2011; Cook 2014^b] считают, что в мальтузианскую эпоху плотность населения стала косвенным индикатором дохода на душу населения. При низкой производительности труда любые изменения в технологии ведут к краткосрочному росту дохода и долгосрочному росту населения. Подушевой рост доходов стал опережать рост населения только с началом промышленной революции. Соответственно, более высокая плотность населения — альтернативный показатель развитости досовременного общества. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе плотность населения варьировалась от 0,29 чел./км² в Финляндии до 41,67 чел./км² в Бельгии.

Важен также показатель, отражающий долю *городского населения* в обществе. Традиционно движение к капитализму в Европе связывается с развитием городов. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе доля городского населения варьировалась от 1,5% на Украине до 29% в Бельгии. Наконец, показатель *дохода* отражает благосостояние общества и измеряется в долларах на душу населения. Данные в основном берутся из таблиц Мэдисона. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе самый высокий доход был в Италии (1100 долл.), а самый низкий — в Греции (433 долл.).

Демографические эффекты и модернизация. Здесь важно выделить три ключевых эффекта, связанных с модернизацией. Первый — появление особого, нетипичного для других регионов мира типа семьи, который получил название “европейская модель брака” (*European Marriage Pattern*) [Hajnal 1965]. Отличительные его черты — сравнительно позднее вступление в брак, высокая доля жителей, никогда не вступавших в брак, раннее появление браков по согласию, относительно равный статус обоих супругов в браке. В Западной Европе стала нормой неолокальная, а не патрилокальная модель семьи. Молодые люди рано покидали родительские семьи и уходили на заработки с целью накопить денег для создания семьи. Только после достижения финансовой устойчивости и самостоятельности они вступали в брак и переезжали в свое, а не родительское жилище. Подобная модель семейных отношений с точки зрения модернизации обладает, как минимум, двумя положительными эффектами. Во-первых, она откладывает начало деторождения, что снижает рождаемость. Неолокальное проживание способно со временем подтачивать авторитет патриархальной структуры и способствовать росту автономии новой семьи от старших поколений. Во-вторых, она стимулирует рост сбережений. Будущие супруги вступают в брак, уже обладая устойчивой позицией на рынке труда, что делает их финансовое благополучие еще более устойчивым.

Второй эффект — рост инвестиций в человеческий капитал — следует из брачной стратегии. Более низкая рождаемость при более низкой детской смертности меняет отношение к детям. Когда уменьшается вероятность ребенка умереть в детстве, ценность его жизни для родителей становится выше. Если родители осознают, что их дети выживут, то начинают вкладываться в их образование. Не случайно, что появление массового школьного образования происходило именно в Западной Европе — в тех странах, где наблюдалась самая низкая детская смертность [Galor 2011]. Происходит индивидуализация сознания, переоценка ребенка как личности.

Третий эффект связан с улучшением стандартов жизни в западноевропейских обществах. Хотя рост денежных доходов станет заметен лишь с началом промышленной революции, увеличение плотности населения и доли городского населения свидетельствуют о высоком экономическом потенциале. Улучшение стандартов жизни в наиболее развитых европейских обществах можно отследить по оценкам среднего роста жителей многих стран [Baten, Blum 2012; Koepke, Baten 2008]. Высокая доля городского населения может свидетельствовать о нескольких социально-экономических процессах. Во-первых, о развитии торговли, предпринимательства и ремесел, которые, как правило, сосредоточены в городах. Во-вторых, об отсутствии преднамеренной

политики центральной власти сдерживать рост городов. Иными словами, чем выше доля городского населения, тем выше уровень развития общества. Об улучшении стандартов жизни может свидетельствовать рост доли хорошо питавшихся людей. В свою очередь, качественное питание способно оказывать положительное влияние на формирование европейской модели семьи и на инвестиции в человеческий капитал. Последнее немаловажно: улучшение в питании положительно влияет на развитие когнитивных способностей ребенка [Farah, Shera, Savage, Betancourt, Giannetta, Bredsky, Malmud, Hurt 2006]. Важным результатом изменения стандартов жизни стало появление широкого слоя городских, образованных, обеспеченных слоев общества, которые станут в дальнейшем социальной основой модернизации.

В совокупности эти эффекты указывают на структурные изменения в обществах. Новая модель семьи характеризуется поздними браками, низкой рождаемостью и низкой детской смертностью. Дети стали более ценными, увеличиваются вложения в их образование. Квалификация трудовых ресурсов повышается, рост городов и городской экономики создают спрос на квалифицированную рабочую силу. Увеличивается потенциал для увеличения производительности труда. Расширение грамотности и образования — питательная среда для рынка идей, критического знания и новых технологий. Происходит рост сбережений, улучшение стандартов жизни. Увеличение доходов отражается в улучшении питания и увеличении среднего роста людей. На мой взгляд, это служит еще одним аргументом в пользу уникальности европейских обществ, которые стали ставить во главу угла не количество, а качество населения. К началу модернизации наблюдается рост городских, обеспеченных, образованных и достаточно хорошо питавшихся слоев общества в ряде ключевых стран. Важнейшие причины европейской модернизации заключаются именно в демографических процессах, которые подготовили европейские общества к выходу из “мальтузианской ловушки” и переходу к индустриальному обществу.

Поиск объяснений масштабных сдвигов. Бесспорно, в какой-то мере данные изменения являются результатом различных политических решений, равно как и итогом случайных исторических обстоятельств. Однако намеренно опуская эти объяснения, я сконцентрируюсь на иных аргументах.

Демографические отличия европейских обществ скорее объясняются структурными факторами, к которым в первую очередь относится совокупность географических и экологических особенностей. Социальная структура, социальные отношения, в том числе и демографические процессы, несут на себе отпечаток адаптации этих обществ к их географическим и экологическим нишам. Эти ниши могут оказаться как более, так и менее удачными для развития. Человеческие популяции адаптируются к любым климатическим условиям, но далеко не во всех условиях происходит развитие сообществ с городами, государствами, прогрессом в области технологий и искусств. Самые первые государства были созданы в довольно жарких климатических зонах: Месопотамия, Египет, Китай, Индия, Италия, Греция, Центральная Америка, однако с XVI в. центр развития переместился в более умеренные широты — Западная Европа и Северная Америка. Возможно, это отчасти связано с экологическими проблемами вследствие экстенсивного земледелия. Многие центры ранних цивилизаций сейчас выглядят как пустынные местности [Радкау 2014].

Как климат и география могут оказывать влияние на социальные структуры? Я выделяю несколько факторов, связанных с сельским хозяйством, с которым экономически и политически было связано подавляющее большинство населения в доиндустриальных обществах. Возникшие общественные отношения несли в себе существенный отпечаток местных особенностей аграрной экономики.

Во-первых, это *специализация сельского хозяйства*. От климата и географии зависит тип почв, их плодородие и урожайность, богатство флоры и фауны. Вместе с разнообразием флоры и фауны это влияет на выбор возделываемых культур. В свою очередь, эти культуры сильно влияют на характер социальных отношений в сельском хозяйстве. Приведу несколько примеров. Рис — самый калорийный злак из расчета

калорий с квадратного гектара, главный фактор, влияющий на повышение плотности населения. Выращивание риса требует нескольких специфических условий: коллективного труда (например, при высадке рассады), ирригационных и гидротехнических работ для обеспечения полива, сильной политической центральной власти для организации этих работ и защиты ирригационных сооружений от набегов кочевников. С социально-политической точки зрения общество, специализирующееся на выращивании риса, характеризуется склонностью к коллективизму [Talhelm, Zhang, Oishi, Shimin, Duan, Lan, Kitayama 2014] и деспотизму [Wittfogel 1957]. Другой пример – сахарный тростник. Если почвы и климат благоприятствуют его возделыванию, то крайне вероятно появление экстенсивного товарного земледелия, основанного на принудительном, даже рабском труде на плантациях [Fairbrother 2013]. Выращивание пшеницы, напротив, не требует создания множества ирригационных сооружений и может проходить в форме как крупных товарных хозяйств, так и индивидуальных семейных ферм. Пшеница в большей степени способствует распространению индивидуализма и личной автономии. Европейским обществам повезло с отсутствием “коллективных” культур и преобладанием “индивидуалистических”.

Во-вторых, это *характер земледелия с точки зрения доступа к воде*. Можно выделить два основных типа земледелия – ирригационное и дождевое. Принципиальное различие между ними не только физическое – отсутствие или наличие ирригационных каналов и гидротехнических сооружений, которые обеспечивают доступ крестьян к воде, но во многом и социальное. Свободный доступ к воде – важное экзистенциальное начало индивидуальной автономии. Независимость крестьянина от поставок воды, санкционируемых центральной властью, есть важная основа его личной и политической независимости.

К. Вельцель показывает в своих недавних работах, насколько важен может быть для социального и политического развития обществ доступ к водным ресурсам. Он разработал “индекс прохладной воды” (*Cool water index*), который сводит вместе три компонента: а) относительно низкую среднегодовую температуру; б) продолжительные всесезонные осадки; в) наличие водных путей, доступных для постоянной навигации. Индекс варьируется от 0 (наименьшая водная автономия) до 1 (максимальная водная автономия). Чем выше индекс, тем выше водная автономия обществ. Самые высокие показатели этого индекса в Европе наблюдаются в основном у обществ Северо-Западной Европы: Бельгия (0,87), Нидерланды (0,86), Люксембург (0,86), Великобритания (0,85), Дания (0,85), Словения (0,85), Ирландия (0,84), Германия (0,83), Франция (0,82). На Юге Европы с доступом к воде сложнее: Италия (0,64), Испания (0,56), Греция (0,56), Португалия (0,48). Вельцель утверждает, что водная автономия (*Cool water condition*) – необходимое условие для модернизации: именно она ассоциируется с базовой автономией личности и общества, на которой потом могут произрасти иные автономии [Welzel 2013].

В-третьих, это *распространенность инфекционных заболеваний*, которые были одной из основных причин смертности в доиндустриальную эпоху. Ряд исследований показывает, что патогенная нагрузка накладывает свой отпечаток на общественные отношения [Thornhill, Fincher, Aran 2009]. Самые высокие показатели инфекционной нагрузки наблюдаются в жарких, тропических странах. По сравнению с другими регионами Западная Европа имеет относительно благоприятную эпидемиологическую историю. С социальных позиций важно, что высокий уровень инфекционных заболеваний исторически связан с укоренением в обществе установок на коллективизм и враждебное отношение к Другим: все чужаки подсознательно воспринимаются как источник заразы, а единственный способ борьбы с эпидемией – карантин, то есть ограничения прав и свобод во имя общего спасения.

В-четвертых, *уникальный баланс земледелия и животноводства*, похоже, позитивно сказывался на демографических процессах. Европейцы потребляли молоко и молочные продукты, получив тем самым преимущество в питании. Доступность молочных продуктов могла способствовать снижению детской смертности и последующему

снижению рождаемости. Отличительная черта европейских обществ – крайне высокий по мировым меркам уровень толерантности к лактозе, то есть способности усваивать молоко после младенчества. Переносимость молока – генетическая особенность человека; исследователи заявляют, что эта способность сильно варьирует по различным популяциям. Если в общемировом масштабе примерно только треть населения может усваивать молоко, то в Европе данный показатель – не менее двух третей. В отдельных странах – всех Скандинавских, Англии, Ирландии, Голландии, Бельгии, Северной Германии – он равен почти 100% [Ingram, Mulcare, Itan, Thomas 2009; Itan, Jones, Ingram, Swallow, Thomas 2010; Gerbault, Liebert, Itan, Powell, Currat, Burger, Swallow, Thomas 2011].

Основное объяснение этой европейской “аномалии” – эволюционная мутация, связанная с дефицитом солнечного света в Северо-Западной Европе и вызванным ею недостатком витамина D. Способность усваивать молоко и получать из него необходимый кальций (витамин D) стала ответом местных популяций на этот вызов. Процесс подобной эволюции занял несколько тысяч лет. Молоко – важный источник белка, витаминов, минералов; можно трактовать его как преимущество в питании европейских обществ. Учитывая, что исторической нормой во всех обществах было недоедание, рацион питания оказывался скудным, однообразным, с явным преобладанием углеводов в ущерб белкам и жирам (в основном злаковые), наличие молока и молочных продуктов стоит признать важным фактором для понимания демографических процессов [Cook 2014^a; Cook 2014^b; Shcherbak 2015]. Ряд исследований показывают, что биологический стандарт жизни, измеряемый через средний рост человека, был выше там, где имелся высокий уровень потребления молочных продуктов [Baten, Blum 2012; Koepke, Baten 2008]. Отмечу, что удивительным образом частота переносимости лактозы коррелирует практически со всеми показателями модернизации по европейским странам: ВВП на душу населения, плотность населения, детская смертность, рождаемость⁶. Кроме того, “молочные” общества либо ранее всех отменили крепостное право, либо никогда его не имели (Скандинавия, Нидерланды, Англия). С этой точки зрения, адаптация европейских обществ к географическим условиям выразилась и в генетической адаптации, которая, в свою очередь, имела определенные социальные эффекты. Данный тренд наиболее явен именно в Северо-Западной Европе, которая стала родиной капитализма, протестантизма и перехода к инклюзивным институтам.

В целом можно отметить, что ареалом проживания европейцев оказалась крайне удачная экологическая ниша. Адаптация европейских обществ к жизни в таких географических и климатических условиях не особо поощряла установление долгосрочных деспотий (например, через ирригационное земледелие и рисоводство, плантаторские хозяйства) и укоренение коллективистских ценностей (относительно невысокая историческая патогенная нагрузка). В то же время особенности адаптации к данной экологической нише выражались в появлении преимущества в питании (высокая толерантность к лактозе), относительно свободном доступе к водным ресурсам, который не приводил к резкому повышению роли государства в обеспечении функционирования сельского хозяйства.

В итоге складывается довольно эффективная и уникальная система сельского хозяйства, оказавшая воздействие на социальное развитие европейских обществ. Данная система высокопродуктивна, она способствовала увеличению плотности населения и росту городов. Учитывая, что рост городского населения довольно сильно

⁶ Современные показатели (выборка 66 стран Старого света, 2013 г.) HDI 2013 – $r = 0,522$ ($p < 0,000$), Freedom House 2013 – $r = -0,575$ ($p < 0,000$), ВВП на душу населения (ППС, *current international dollars*) – $r = 0,468$ ($p < 0,000$). Исторические показатели (предполагается, что частоты генов меняются с такой низкой скоростью, что за несколько веков ее можно использовать как константу): 1) доход в 1000 г.: $r = -0,508$ ($p = 0,010$, $N = 25$); в 1820 г.: $r = 0,724$ ($p = 0,000$, $N = 39$); 2) плотность населения в 1500 г.: $r = 0,310$ ($p = 0,006$, $N = 78$); в 1820 г.: $r = 0,378$ ($p = 0,003$, $N = 58$); 3) рождаемость в 1800 г.: $r = -0,542$ ($p = 0,000$, $N = 76$); 4) детская смертность в 1800 г.: $r = -0,453$ ($p = 0,000$, $N = 78$). Источник: [Shcherbak 2015].

зависит от способности сельского хозяйства прокормить горожан, стоит признать, что это важное преимущество.

Хочу сразу отметить, что речь не идет о географическом детерминизме как таковом. Предложенные мной объяснения не отрицают, а дополняют те концепции, которые связаны с расколами элит, появлением новых идей или даже случайных факторов. Теперь интересно обратиться к модельному примеру сравнения траектории развития Англии и Испании и постараться по-новому взглянуть на причины изначального институционального выбора в этих странах, опираясь на описанные выше структурные факторы.

Сравнение предпосылок развития Англии и Испании в раннее Новое время

Я собрал доступные мне показатели развития Англии и Испании начиная с 1600 г. (см. табл. 1 и 2). Многие авторы указывают именно на XVII в. как на момент судьбоносного институционального выбора данных стран. Как раз в этот период Англия начала двигаться к построению общества, основанного на инклюзивных институтах, а Испания совершила свой роковой выбор в пользу экстрактивных. Собранные данные свидетельствуют о том, что практически все показатели модернизации в Англии были лучше, чем в Испании, еще до институционального выбора.

Первая часть таблиц включает показатели дохода на душу населения, плотности населения, рождаемости, детской смертности, долю городского населения, средний рост населения, уровень грамотности, а также производство печатных книг. Доступность данных не позволяет собирать их для всех желаемых периодов, тем не менее, по всем показателям есть данные до наступления промышленной революции (то есть до 1820 г.).

Из выбранных восьми показателей Англия опережает Испанию по семи. Уже в 1600 г. в Англии был более высокий доход, чем в Испании (974 долл. vs 853 долл.), более высокая плотность населения (26,826 vs 16,48 чел./км²). Уровень рождаемости в Англии в 1800 г. (до начала промышленной революции) был ниже, чем в Испании (4,97 vs 5,13 на одну женщину), равно как и уровень детской смертности до пяти лет (329,04 vs 450 на 1000 детей). Биологический уровень жизни оказывался также выше: средний рост в Англии в 1740 г. был выше, чем в Испании (169,5 см vs 163,3 см); значит, англичане лучше питались. Кроме того, англичане были более образованны: к 1650 г. доля грамотных в Англии составляла 53%, а в Испании — только 5%. Эти данные соотносятся с количеством напечатанных книг: за 1600—1650 гг. в Англии было напечатано на 1000 человек 80 книг, а в Испании — только 8,8; а за 1650—1700 гг. в Англии — 191,8, а в Испании — всего 14,3. По большинству показателей доступны временные ряды, которые показывают, что в XVII—XVIII вв. динамика развития в Англии была выше. Только по одному показателю Англия уступает Испании — доле городского населения. В 1650 г. в Англии жили в городах 15,6%, а в Испании — 25%. Однако эта доля в Англии станет расти и к 1750 г. достигнет уже 23,6% (к 1800 г. — 24,4%), а в Испании она будет даже падать: к 1750 г. снизится до 23,4% (в 1800 г. — 23,5%).

При более консервативном подходе, то есть при анализе только индикаторов за 1600 и 1650 гг., все равно мы наблюдаем перевес Англии над Испанией, которую она превосходит по плотности населения, грамотности, книгопечатанию, доходу, уступая лишь по доле городского населения. В связи с этим моя интерпретация данных по среднему росту, рождаемости и детской смертности заключается в том, что их экстраполяция на более ранний период будет не сильно отличаться от поздних оценок.

Приведенные данные служат, как минимум, косвенным подтверждением тезиса о том, что модернизация — это синдром. Если страна модернизируется, то мы можем наблюдать позитивные, связанные между собой изменения во многих сферах общественной жизни. К моменту изначального институционального выбора в XVII в. Англия опережала Испанию по всем направлениям развития (даже динамика урбанизации была позитивной, в то время как в Испании — негативной). Англичане к XVII в.

Таблица 1

Показатели развития Англии в 1600–1820 гг.

	Англия							
	Постоянно	1600	1650	1700	1740	1750	1800	1820
Доход на душу населения, USD		974		1250				1706
Плотность населения, чел./км ²		26,8		37,2				
Рождаемость, на 1000 чел.							4,97	
Детская смертность до пяти лет, на 1000 чел.							329	
Урбанизация, % населения			15,6	14,5		23,6	24,4	
Средний рост, см					169,5	169,8		169
Уровень грамотности, % населения			53			54		53
Производство печатных книг, ежегодно на 1000 чел.		80	191,8	168,3		192		
Индекс прохладной воды	0,91							
Толерантность к лактозе, % населения	0,931							
Индекс исторической патогенной нагрузки	0,76							

Источники: см. Приложение.

Таблица 2

Показатели развития Испании в 1600–1820 гг.

	Испания							
	Постоянно	1600	1650	1700	1740	1750	1800	1820
Доход на душу населения, USD		853		853				1008
Плотность населения, км ²		16,5		17,5				
Рождаемость, на 1000 чел.							5,13	
Детская смертность до пяти лет, на 1000 чел.							450,6	
Урбанизация, % населения			25	20,3		24,3	23,5	
Средний рост, см					163,3	163,6		
Уровень грамотности, % населения			5			8		20
Производство печатных книг, ежегодно на 1000 чел.		8,8	14,3	18,5		28,3		
Индекс прохладной воды	0,56							
Толерантность к лактозе, % населения	0,676							
Индекс исторической патогенной нагрузки	0,46							

Источники: см. Приложение.

были выше, богаче, грамотнее, больше читали, тянулись в города; испанцы — наоборот. Так почему же выбор инклюзивных институтов в Англии мы продолжаем считать случайным? Я считаю, он был случайностью, а стал закономерным результатом более благоприятных условий развития.

Как различались экологические ниши в Англии и Испании? Собранные данные свидетельствуют, что географические условия в Англии были более благоприятными. Судя по значению индекса прохладной воды, уровень водной автономии оказывался выше в Англии: 0,91 vs 0,56. Историческая патогенная нагрузка была также ниже в Англии: 0,76 vs 0,46. Толерантность к лактозе — выше в Англии: 93% vs 67%. Разница в этих условиях внесла свой вклад в различные траектории развития сельского хозяйства, создаваемые на его базе социальные структуры, повлияла на демографические процессы и их экономические и политические последствия. Вся совокупность этих условий в Англии способствовала расширению автономии и становлению индивидуализма. Географические условия в Англии были благоприятны тем, что создавали меньше стимулов ограничения человеческой автономии. Инклюзивным институтам нужны особые стартовые условия, они не могут появиться и укорениться без благоприятной среды или только в результате внутриэлитной политической борьбы.

* * *

Как показал сравнительный анализ, пути Англии и Испании стали расходиться еще до институционального выбора. К моменту расхождения Англия развивалась динамичнее, она уже была близка к модернизации. Поэтому утверждение, что институциональный выбор происходит случайно, под воздействием удачного стечения обстоятельств, мне кажется неверным. Общественные структуры в этих странах развивались в разных условиях, и мой аргумент состоит в том, что для понимания всей полноты воздействовавших факторов необходимо учитывать географические условия. Я исхожу из того, что адаптация обществ к экологическим нишам накладывает свой отпечаток на социальные структуры. Экологические факторы, в конечном счете, сильно влияют на то, какую роль и как долго будет играть принудительный, коллективный труд, насколько власть имеет возможность контролировать доступ к ресурсам для выживания (водные ресурсы), в какой степени производительно сельское хозяйство. Думаю, что адаптация к этим условиям в дальнейшем повлияла на демографические процессы и связанное с ними накопление как экономического, так и человеческого капиталов.

Исходя из этих соображений, я предлагаю новый взгляд на неоинституциональную теорию. Не отрицая важности институтов, не подвергая сомнению эффект “обусловленности пути”, я готов оспорить положение, что институты — это причина развития. На мой взгляд, *институты — это следствие развития*. Инклюзивные институты появляются в уже развитых обществах, и выбор в пользу данных институтов *не случаен*. Такой взгляд на развитие иногда встречается в литературе (см. [Райнерт 2011; Welzel 2014]), хотя он и непопулярен. Еще раз повторюсь: сводить объяснения траекторий модернизации к географическим факторам было бы примитивным географическим детерминизмом. Речь идет о совместном эффекте структурных и социальных факторов. Наследие римского права, магдебургское право, феодализм, внутриэлитная политическая борьба — все эти факторы стали решающими для институционального выбора при наличии благоприятных структурных условий. Иными словами, Славная революция не оказалась бы столь славной, если бы не произошла в обществе с уже образованными, зажиточными, живущими в городах, высокими жителями.

Приложение. Источники данных

Население

McEvedy C., Jones R. (1978) Atlas of world population history. Harmondsworth: Penguin Books Ltd. The Maddison tables — <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm> (дата доступа 02.12.2016).

Population Statistics: historical demography of all countries, their divisions and towns — <http://www.populstat.info/>.

Gapminder: ‘population, total’ — <http://www.gapminder.org/data/>.

Доля городского населения

Urbanisation Hub – The Clio-infra database on urban settlement sizes: 1500–2000 – <http://www.cgeh.nl/urbanisation-hub-clio-infra-database-urban-settlement-sizes-1500-2000>.

Chandler T. (1987) Four Thousand Years of Urban Growth. An Historic Census. Lewston, New York: Edwin Mellen Press.

Рождаемость

Gapminder: ‘Children per woman (total fertility)’ – <http://www.gapminder.org/data/>.

Детская смертность

Gapminder: ‘Under-five mortality rate’ – <http://www.gapminder.org/data/>.

Средний пост

Data hub “Heights and Biological Standard of Living” – <http://www.uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/faecher/wirtschaftswissenschaft/lehrstuehle/volkswirtschaftslehre/wirtschaftsgeschichte/data-hub-height.html>.

Грамотность

Our World in Data, ‘Literacy’ – <https://ourworldindata.org/literacy/>.

Книгопечатание

Buringh E., Van Zanden J. L. (2009) Charting the “Rise of the West”: Manuscripts and Printed Books in Europe, a long-term Perspective from the Sixth through Eighteenth Centuries // The Journal of Economic History. Vol. 69. No 2. Pp. 409–445.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.

Арсланов В.В. (2016^а) “Инклюзивные институты” – основной фактор устойчивого роста? Статья 1 // Общественные науки и современность. № 4. С. 36–47.

Арсланов В.В. (2016^б) “Инклюзивные институты” – основной фактор устойчивого роста? Статья 2 // Общественные науки и современность. № 5. С. 49–62.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.

Лал Д. (2007) Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.

Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норта-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // Общественные науки и современность. № 5. С. 37–50.

Радкау Й. (2014) Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом ВШЭ.

Райнерт Э. (2011) Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом ВШЭ.

Хедлунд С. (2015) Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Издательский дом ВШЭ.

Ashraf Q., Galor O. (2011) Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch // The American Economic Review. No 101 (5). Pp. 2003–2041.

Baten J., Blum M. (2012) Growing tall but unequal: new findings and new background evidence on anthropometric welfare in 156 countries, 1810–1989 // Economic History of Developing Regions. Vol. 27. No 1. Pp. 66–85.

Blaydes L., Chaney E. (2013) The feudal revolution and Europe’s rise: Political divergence of the Christian west and the Muslim world before 1500 CE // American Political Science Review. Vol. 107. No 1. Pp. 16–34.

Cook J. (2014^а) The Role of Lactase Persistence in Precolonial Development // Journal of Economic Growth. Vol. 19. Pp. 369–406.

Cook J. (2014^б) Potatoes, Milk and the Old World Population Boom // Journal of Development Economics. Vol. 110. Pp. 123–138.

Fairbrother M. (2013) The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered. Working Paper (<http://seis.bris.ac.uk/~ggmhf/research.html>).

Farah M. J., Shera D. M., Savage J. H., Betancourt L., Giannetta J.M., Brodsky N.L., Elsa K., Malmud E.K., Hurt H. (2006) Childhood poverty: Specific associations with neurocognitive development // Brain research. No 1110 (1). Pp. 166–174.

- Galor O. (2011) Unified growth theory. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Gerbault P., Liebert A., Itan Y., Powell A., Currat M., Burger J., Swallow D.M., Thomas M.G. (2011) Evolution of lactase persistence: an example of human niche construction // *Philosophical Transactions of the Royal Society B Biological Sciences*. No 366. Pp. 863–877.
- Hajnal J. (1965) European marriage pattern in historical perspective // D.V. Glass and D. E. C. Eversley (eds). *Population in History*. London: Arnold. Pp. 101–143.
- Ingram C.J., Mulcare C.A., Itan Y., Thomas M.G., Swallow D.M. (2009) Lactose digestion and the evolutionary genetics of lactase persistence // *Human Genetics*. Vol. 124. Pp. 579–591.
- Itan Y., Jones B. L., Ingram C. J., Swallow D. M., Thomas M. G. (2010) A worldwide correlation of lactase persistence phenotype and genotypes // *BMC Evolutionary Biology*. Vol. 10 (36). Pp. 36–46.
- Koepke N., Baten J. (2008) Agricultural specialization and height in ancient and medieval Europe // *Explorations in Economic History*. Vol. 45. No 2. Pp. 127–146.
- Morris I. (2013) *The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- North D. (1989) Institutions and economic growth: An historical introduction // *World development*. Vol. 17. No 9. Pp. 1319–1332.
- Shcherbak A. (2015) Does Milk Matter? Genetic Adaptation to Environment: The Effect of Lactase Persistence on Cultural Change. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP.
- Talhelm T., Zhang X., Oishi S., Shimin C., Duan D., Lan X., Kitayama S. (2014) Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture // *Science*. No 344 (6184). Pp. 603–608.
- Thornhill R., Fincher C. L., Aran D. (2009) Parasites, democratization, and the liberalization of values across contemporary countries // *Biological Reviews*. Vol. 84. No 1. Pp. 113–131.
- Welzel C. (2013) *Freedom rising*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Welzel C. (2014) Evolution, empowerment, and emancipation: How societies climb the freedom ladder // *World Development*. Vol. 64. Pp. 33–51.
- Wittfogel K. (1957) *Oriental despotism: A study of total power*. New Haven and London: Yale Univ. Press.

How Societies Make The Initial Institutional Choice? Criticizing the “accident development” concept and introduction to the structural approach

A. SHCHERBAK*

***Shcherbak Andrey** – senior research fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics, NRU HSE St. Petersburg, assistant professor, Department of Political Science, NRU HSE-St.Petersburg. Address: 55–2 Sedova str., St.-Petersburg, Russia 192171. Email: ascherbak@hse.ru

Abstract

The paper aims to criticize one of the key argument of neoinstitutional theory – the “accidental” nature of institutional choice. The most consistently this idea is represented in Acemoglu and Robinson’s seminal book “Why nations fail”. According to their approach, the initial institutional choice is influenced by accidental, random historical circumstances. I disagree with this assumption due to the fact that it ignores microfoundations of the institutional choice in European societies. Using various historical data on demography, environment, economy I demonstrate the effects of structural conditions on modernization and further choice for inclusive institutions in North-West Europe. Referring to the “model” comparison of England and Spain in the early Modern Time I show that England was much more developed than Spain prior to the moment of the institutional choice. That allows me to argue that the institutional choice in England was not accidental. The main conclusion is that institutions are the reason of development, but they are the consequence of development.

Keywords: institutional choice, european modernization, demography, geography, Great Britain. Spain, Modern time.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson D. (2015) *Pochemu odni strany bogatyie, a drugiye bedniye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishety* [Why Nations Fail. The Originis of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST.
- Arslanov V.V. (2016^a) "Inklyuzivnyie instituty" — osnovnoi factor rosta? Statii 1 ["Inclusive institutions" — the Key Factor of Sustainable Growth? The article 1]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 36–47.
- Arslanov V.V. (2016^b) Inklyuzivnyie instituty — osnovnoi factor rosta? Statii 1 ["Inclusive institutions" — the Key Factor of Sustainable Growth? The article 2]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 49–62.
- Ashraf Q., Galor O. (2011) Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *The American Economic Review*, no. 101 (5), pp. 2003–2041.
- Baten J., Blum M. (2012) Growing tall but unequal: new findings and new background evidence on anthropometric welfare in 156 countries, 1810–1989. *Economic History of Developing Regions*, vol. 27, no. 1, pp. 66–85.
- Blaydes L., Chaney E. (2013) The feudal revolution and Europe's rise: Political divergence of the Christian west and the Muslim world before 1500 CE. *American Political Science Review*, vol. 107, no. 1, pp. 16–34.
- Cook J. (2014^a) The Role of Lactase Persistence in Precolonial Development. *Journal of Economic Growth*, vol. 19, pp. 369–406.
- Cook J. (2014^b) Potatoes, Milk and the Old World Population Boom. *Journal of Development Economics*, vol. 110, pp. 123–138.
- Fairbrother M. (2013) *The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered*. Working Paper (<http://seis.bris.ac.uk/~ggmhf/research.html>).
- Farah M. J., Shera D. M., Savage J. H., Betancourt L., Giannetta J.M., Brodsky N.L., Malmud E.K., Hurt H. (2006) Childhood poverty: Specific associations with neurocognitive development. *Brain research*, no. 1110 (1), pp. 166–174.
- Galor O. (2011) *Unified growth theory*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Gerbault P., Liebert A., Itan Y., Powell A., Currat M., Burger J., Swallow D.M., Thomas M.G. (2011) Evolution of lactase persistence: an example of human niche construction. *Philosophical Transactions of the Royal Society in Biological Sciences*, no. 366, pp. 863–877.
- Hajnal J. (1965) European marriage pattern in historical perspective. D.V. Glass and D. E. C. Eversey (eds.). *Population in History*. London: Arnold, pp. 101–143.
- Hedlund S. (2015) *Nevidimyye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'jasneniya sistemnogo provala* [Invisible hands, Russian experience, and social science: approaches to understanding systemic failure]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnyye izmeneniia i demokratiia: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence]. Moscow: Novoie izdatel'stvo.
- Ingram C.J., Mulcare C.A., Itan Y., Thomas M.G., Swallow D.M. (2009) Lactose digestion and the evolutionary genetics of lactase persistence. *Human Genetics*, vol. 124, pp. 579–591.
- Itan Y., Jones B.L., Ingram C.J., Swallow D.M., Thomas M.G. (2010) A worldwide correlation of lactase persistence phenotype and genotypes. *BMC Evolutionary Biology*, vol. 10 (36), pp. 36–46.
- Koepke N., Baten J. (2008) Agricultural specialization and height in ancient and medieval Europe. *Explorations in Economic History*, vol. 45, no. 2, pp. 127–146.
- Lal D. (2007) *Neprednamerennyye posledstviia. Vliyaniye obespechennosti faktorami proizvodstva, kul'tury i politiki na dolgosrochiye ekonomicheskie rezul'taty* [Unintended consequences: The impact of factor endowments, culture, and politics on long-run economic development]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Morris I. (2013) *The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- North D. (1989) Institutions and economic growth: An historical introduction. *World development*, vol. 17, no. 9, pp. 1319–1332.
- Pliskevich N.M. (2013) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsii Norty-Wallisa-Waingasta. Statii 1. Sryvy modernizatsii: vchera i segonya [Transformation chances in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. The article 1. Failure modernization: yesterday and today]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 37–50.
- Radkau J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriia okruzhayushchei sredy* [Nature and Power: a global history of the environment]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.

- Reinert E. (2011) *Kak bogatiye strany stali bogatymi, i pochemu bednyie strany ostayutsa bednymi* [How rich countries got rich and why poor countries stay poor]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE.
- Shcherbak A. (2015) *Does Milk Matter? Genetic Adaptation to Environment: The Effect of Lactase Persistence on Cultural Change*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP.
- Talhelm T., Zhang X., Oishi S., Shimin C., Duan D., Lan X., Kitayama S. (2014) Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture. *Science*, no. 344 (6184), pp. 603–608.
- Thornhill R., Fincher C. L., Aran D. (2009) Parasites, democratization, and the liberalization of values across contemporary countries. *Biological Reviews*, vol. 84, no. 1, pp. 113–131.
- Welzel C. (2013) *Freedom rising*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Welzel C. (2014) Evolution, empowerment, and emancipation: How societies climb the freedom ladder. *World Development*, vol. 64, pp. 33–51.
- Wittfogel K. (1957) *Oriental despotism: A study of total power*. New Haven and London: Yale Univ. Press.

© А. Шербак, 2017